

Сергей Солоух
В поисках утраченного качества

Несколько поколений советских, а теперь уже и российских читателей, цитирующих от случая к случаю любимые места из «Похождений бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека — лучшее и нагляднейшее свидетельство бесценности вклада переводчика романа — Петра Григорьевича Богатырева в русскую литературу. Оспаривать значение и важность работы, выполненной ПГБ — нелепо и бессмысленно, да и во всех смыслах, как прямом, так и переносном, неблагоприятнейшее из занятий. В конечно счете все, что вложили жизнь и судьба непутевого из непутевых чехов в эту книгу, с душой и чувством передано и распространено, чего еще желать?

Точности. Или, вернее, литературности, тех маленьких деталей и того большого контекста, без которого роман не роман, а утилитарный памфлет, рассказ не рассказ, а фельетон на злобу дня. Возвращения утраченного качества, не в рассуждении той добротности, которой характеризуется ткань для пальто, а в смысле места, занимаемого под солнцем и лунной тем или иным текстом. Я думаю, это самый лучший способ, каким один писатель может воздать дань другому — вернуть произведению далекого, давно ушедшего от нас мастера утраченную литературность, немного тонкости здесь, чуть-чуть многозначности тут. Определенность названия в одном месте, и двусмысленность каламбура в другом. И я очень рад, что мне посчастливилось некоторое время

именно этим заниматься. Отдавать дань Ярославу Гашеку, автору несравненного литературного произведения «*Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války*», которое, став «Похождениями бравого солдата Швейка», слегка утратило в качестве. Не переданного чувства и движения, а полноты его выражения и, главное, редкого своеобразия. Литературы и ее мяса, художественности, по-русски говоря.

Работа, к сожалению, не закончена, но некоторые фрагменты, собранные вместе, как мне кажется, уже сейчас позволяют оценить возможный будущий общий итог. Особенности реферативной формы представления едва лишь оформившегося целого заставили пожертвовать всем ссылочным и справочным аппаратом, но в любом случае невозможно не выразить благодарность моим друзьям — Ярославу Шераку и Йомару Хонси, без которых благие намерения никогда бы не стали практическим результатом.

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

Стр. 21

В наше время вы можете встретить на пражских улицах бедно одетого человека, который и сам не подозревает, каково его значение в истории новой, великой эпохи...

Если бы вы спросили, как его фамилия, он ответил бы скромно: «Швейк».

Чешское написание имени главного героя — Švejk — весьма занятно само по себе и не без значения. Дело в том, что использование славянского йотированного «j» вместо чисто-

¹ Текст перевода и нумерация страниц по ПГБ, 1958 — Гашек, Ярослав. Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны. / Пер. П. Богатырева. Ч. 1—2, 3—4. Библиотека «Огонек». — М. «Правда», 1958;

ПГБ, 1929 — Гашек, Ярослав. Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны. Пер. / П. Богатырева. Вступит. статья В. Антонова-Овсеенко. С илл. Г. Гросса. Ч. 1—2.

М.—Л., Госиздат, 1929. (Дешевая б-ка Госиздата. № 101—104); Ч. 3—4.

М.—Л., Госиздат, 1930. (Дешевая б-ка Госиздата. № 202—205);

го тевтонского «i» делает это, как будто бы немецкое имя, скорее чешским. Как пишет по этому поводу Cecil Parrott:

«Even Brecht spells his «Schweyk» with «y» to come nearer to Czech. In his «Schweyk in the Second World War» he makes Švejk say: «I have luck with my name, because I am Schweyk with "y". If I had written it with an "i", I should be of the German descent and could be called up».

«Даже Брехт писал "Schweyk" с "y", чтобы создать ощущение чешского имени. В его пьесе "Schweyk in the Second World War" Швейк говорит: "Повезло мне с фамилией, потому что я Schweyk с "y". Писался бы с "i", считался бы немцем и меня бы сразу призвали»².

Подобное столкновение двух языков, чешского и немецкого, заключенное в самом имени героя, замечательным образом характеризует тот этнокультурный конфликт, который был не просто характерен для повседневной жизни довоенной Чехии, но и во многом эту жизнь определял и формировал. И не случайно взаимопроникновение и взаимоталкивание языка родного и неродного оказалось одним из самых заметных и ярких стиливых элементов романа об этой жизни. Остается лишь сожалеть о том, что переводчик не потрудился, или не сумел отыскать какого-либо вообще способа передачи этого базового фонетического, морфологического и синтаксического противостояния.

Глава 1. ВТОРЖЕНИЕ БРАВОГО СОЛДАТА ШВЕЙКА В МИРОВУЮ ВОЙНУ

Стр. 25

— *Какого Фердинанда, пани Мюллер?* — *спросил Швейк, не переставая массировать колени.*

Пани Мюллер, в оригинале Мюллерова (Müllerová), в переводе ПГБ необъяснимым образом онемечена.

² Переводы всех фрагментов, кроме ПГБ 1958 и ПГБ 1929 — Сергея Солюха. То же относится к вариантам.

стр. 26

— *Tut je poмер, sudarь. Известно — с револьвером шутки плохи.*

В этом месте, по мере развития прямой речи героев перед переводчиком встает первая и, без сомнения, самая что ни на есть коренная проблема. Дело в том, что Швейк и его служанка, да и огромное большинство других персонажей-чехов, говорят в романе на неформальном, разговорном чешском. Само по себе это явление (*hovorová nespisovná čeština*) уникальное именно для живой чешской культуры состоит в том, что в бытовой, дружеской обстановке нормативный литературный «как бы коверкается». Ниже приводятся несколько прямо следующих за начальной строкой абзацев оригинала, с выделением в них всех «воно» и «если» беседы.

*Pan arcivévoda byl hned **hotovej**(hotový), milostpane. To **vědí** (уст. Форма 3 л. мн. ч. гл., прав. — *víte*), že s revolverem nejsou **žádný** (žadné) hračky. Nedávno taky si hrál jeden pán u nás v Nuslích s revolverem a postřílel celou rodinu i domovníka, **kterej** (který)se šel podívat, kdo to tam střílí ve třetím poschodí.*

***Některej** (nekterý)revolver, paní Müllerová, vám nedá ránu, kdybyste se zbláznili. **Takovejch** (tekových)systemů je moc, Ale na pana arcivévodu si koupili jistě něco lepšího, a taky bych se chtěl vsadit, paní Müllerová, že ten člověk, co mu to udělal, se na to pěkně **voblík** (oblékl). To **vědí** (víte), střílet pana arcivévodu, to je moc těžká práce. To není, jako když pytlák střílí **hajnýho**(hajného). Tady jde **vo to**(o to), jak se k němu dostat, na **takovýho**(takového) pána nesmíte jít v nějakých hadrech. To musíte jít v cylindru, aby vás nesebral dřív policajt.*

***Vono prej**(Ono prý) jich bylo víc, milostpane.*

И далее:

*Jako, jestli se **pamatujou** (уст. Форма 3 л. мн. ч. гл., прав. — *pamatuje*te), na toho pana Luccheniho, co **probod** (probodl) naši nebožku Alžbětu tím pilníkem. Procházel se s ní. Pak věřte někomu; **vod tý doby** (od té doby)žádná císařovna nechodí na procházky.*

A vono(ono) to čeká ještě moc osob. A uvidějí (уст. Форма 3 л. мн. ч. гл, прав. — uvidíte), paní Müllerová.

Однако в русском переводе от этих характеристических отклонений речи героев нет и следа, можно подумать, будто толкуют два препода из Карлова университета.

Недавно у нас в Нусях один господин забавлялся револьвером и перестрелял всю семью да еще швейцара, который пошел посмотреть, кто там стреляет с четвертого этажа.

— *Из иного револьвера, пани Мюллер, хоть лопни — не выстрелишь. Таких систем — пропасть. Но для эрцгерцога, наверно, купили что-нибудь этакое, особенное. И я готов биться об заклад, что человек, который стрелял, по такому случаю разделся в пух и прах. Известно, стрелять в эрцгерцога — штука не легкая. Это не то что браконьеру подстрелить лесника. Все дело в том, как до него добраться. К такому барину в лохмотьях не подойдешь. Непременно нужно надеть цилиндр, а то того и гляди сцапает полицейский.*

— *Там, говорят, народу много было, сударь.*

....

Помните господина Люккени, который проткнул нашу покойную Елизавету напильником? Ведь он с ней прогуливался. Вот и верьте после этого людям! С той поры ни одна императрица не ходит гулять пешком. Такая участь многих еще поджидает. Вот увидите, пани Мюллер.

Однако самое забавное состоит в том, что и два препода из Карлова университета стали бы не на людях, а между собой говорить именно так, как и эти два весьма от них далеких по классовому цензу и, соответственно, образовательному и культурному багажу пражских обывателя. С теми же самыми «посередке» и «загинать» (vono и vod tú dobu), которые формально, с точки зрения нормативной морфологии, ни-

чем иным по сути не являясь, как «посередке» и «загинать», тем не менее в чешском контексте имеют совсем иное культурно-социальное звучание, нежели в русском. Демонстрируя вовсе не живописную неграмотность, а живость и неформальность разговора, полную чешскость его.

Здесь можно и нужно вновь вспомнить о крайне важном для Гашека постоянном столкновении и подчеркивании на всех уровнях, но прежде всего на базовом языковом, противостояния чешского и немецкого. Эту, в значительной мере смыслообразующую игру, скорее всего и в виду непосильности задачи, ПГБ решил просто игнорировать, в том числе и при переводе прямой речи. В результате даже самый неформальный разговор самых простых и незатейливых из героев оказался у него вполне литературно правильным, верным и грамматически, и фонетически, что, кажется, существенно обеднило текст как стилистическими, так и культурно-идеологическим оттенками.

Трудно сказать без вдохновенного озарения, какую именно аналогию мог бы здесь предложить родной русский язык. Чисто функционально, эквивалент этому, обыкновенная матерщина. Характерная для неформального разговора в любом социо-культурном слое русского общества вне зависимости от статуса и уровня образования, но совершенно невозможная и по сей день в формальном. Вполне также вероятно, что могло бы сработать и использование более мягкой экспрессивности и не обязательно «жопа» и «срать», но и «кокнули», например, вместо, «убили», даже «коньки отбросил» вместо «мучился», на фоне предельно формализованного лексикона и синтаксиса, в случае публичной речи, например, чешского чиновника или офицера.

Забегая немного вперед, отметим еще одну особенность речи Швейка, которую также не счел возможным воспроизвести переводчик. Во всех своих рассказах об армейских днях Швейк активно использует дериваты немецкого. Вот в той же

комментируемой нами главе буквально через три абзаца читаем:

Когда я был на военной службе, так там один пехотинец застрелил капитана. Зарядил ружье и пошел в канцелярию. Там сказали, что ему в канцелярии делать нечего, а он — все свое: должен, мол, говорить с капитаном. Капитан вышел и лишил его отпуска из казармы, а он взял ружье и — бац ему прямо в сердце! Пуля пробила капитана насквозь да еще наделала в канцелярии бед: расколола бутылку с чернилами, и они залили служебные бумаги.

В то же время фрагмент в оригинале имеет вид (немецкие дериваты выделены, а соответствующие чешские слова показаны в скобках):

*Když jsem byl na vojně, tak tam jeden **infanterista** (pěšáka) zastřelil hejtmana. Naládoval **flintu** (pušku) a šel do kanceláře. Tam mu řekli, že tam nemá co dělat, ale on pořád vedl svou, že musí s panem hejtmanem mluvit. Ten hejtman vyšel ven a hned mu napařil kasárníka. Von vzal **flintu**(pušku) a bouch ho přímo do srdce. Kulka vyletěla panu hejtmanovi ze zad a ještě udělal škodu v kanceláři. Rozbila **flašku** (láhev) inkoustu a ten polil úřední akta.*

Само по себе свободное использование заимствований из других языков — также весьма характерная черта живой разговорной чешской речи, но в современной — это скорее дериваты английского. Однако, сколько-нибудь пристальный анализ текста показывает, что Гашек в данном случае действует вовсе не как этнограф, а как художник и проводник определенных взглядов. Т. е., чем ближе ко всему имперскому и королевскому, тем больше враждебной чешской душе неметчины. Так что тут нужные аналогии вполне можно было бы и позаимствовать у такого несомненно успешного художника и идеолога, как Лев Толстой. «Севастополь в мае».

Спускаясь на первый понтон, братья столкнулись с солдатами, которые, громко разговаривая, шли оттуда.

— Когда он **амунишные** получил, значит, он в расчете полностью — вот что...

— Где тут отбить, когда его вся сила подошла: перебил всех наших, а **сикурсу** не подают. (Солдат ошибался, потому что траншея была за нами, но это — странность, которую всякий может заметить: солдат, раненный в деле, всегда считает его проигранным и ужасно кровопролитным.)

— **Стуцер** французской, ваше благородие, отнял; да я бы не пошел, кабы не евтого солдатика проводить, а то упадет неравно, — прибавил он, указывая на солдата.

Но Петр Григорьевич и в этом совсем простом случае примеры мэтра цеха игнорирует. Он вообще отчего-то не слишком жалуется все особенное и яркое, подчеркивающее индивидуальность текста и «срезал увольниловку» (*napřil kasárnička*) — переводит таким невероятным служебно-канцелярским оборотом: «лишил его отпуска из казармы».

Необходимо подчеркнуть, что описанной зачистке и «деидеологизации» при переводе подвергнуты все диалоги во всех четырех томах.

Стр. 27

Придет время — эти императоры полетят один за другим, и им даже государственная прокуратура не поможет.

В оригинале используется словосочетание *státní nvkladnictv* — государственное представительство, также было в ходу и *státn zastupitelstv* — и тот, и другой вариант — смешная калька с немецкого термина из свода законов *Staatsanwaltschaft* (государственная защита), в действительности вне всяких сомнений переводимого как «прокуратура». Попросту говоря, соединяя обратно разделенные в чешской кальке слова *Staats + Anwaltschaft*, не надо было жадничать. Прокура-

тура, и больше ничего, государственная она по самому определению.

Если придут брать терьера, за которого я взял задаток, то скажите, что я держу его на своей псарне за городом, что недавно подрезал ему уши и пока уши не заживут, перевозить щенка нельзя, а то их можно застудить.

В оригинале порода собачки — *ratlík*, и это такая же специфически пражская особь, как например, кавказец у нас на юге, и точно так же, как и кавказец, этот вид четвероногих до сих пор официально не внесен в реестры собачих пород Международной кинологической ассоциацией FCI (Fédération Cynologique Internationale), что не мешает твари оставаться очень популярной и с любовью разводимой и поныне в Чешской республике. Внешне эта мелкая псина, по чешскому стандарту вес — 2,5—2,7 кг, высота в холке 20—23 см, гладкошерстая, окрас черный с резко ограниченными золотисто-желтыми подпалинами и т. д., и ей действительно купируют по меньшей мере хвостик — короче, по всем признакам хорошо нам тут знакомый подвид карликового пинчера, в результате неумелости хозяев ставшего символом собачьей психопатии на наших улицах. При нормальном воспитании это вполне рабочий домашний крысолов, отчего и называется в Чехии *Pražský krysařík*.

Не менее ходовое название *ratlík* — всего лишь унаследованный дерриват немецкого эквивалента Rattler. Правильный перевод, видимо, пражского пинчера или карликового пражского пинчера.

Здесь необходимо отметить удивительную небрежность переводчика во всех случаях, когда речь идет о собачьих породах, что не может не огорчать, принимая во внимание гражданскую профессию главного героя. Если в данном конкретном месте английское слово терьер без принципиальной уточняющей приставки «той» — еще имеет какое-то, пусть

и за уши притянутое оправдание, то далее в книге 1, главе 14, части 3 все тот же ратличек, из одного-единственного абзаца:

*Jestli si někdo od vás chce koupit **ratlíčka** a vy nemáte nic jinýho doma než nějakýho loveckýho psa, tak musíte umět toho člověka přemluvit, že si místo ratlíčka odvede s sebou toho loveckýho, a jestli náhodou máte doma jen **ratlíčka** a někdo si přijde koupit zlou německou dogu na hlídání, tak ho musíte tak zblbnout, že si vodnese v kapse toho **trpasličího ratlíčka** místo dogy,*

умудряется самым фантастическим образом, переходя всего лишь из одного предложения в другое, превращаться то в болонку, то в фокстерьера и даже карликового.

*Если кто-нибудь хочет купить **болонку**, а у вас дома ничего, кроме охотничьей собаки нет, то вы должны суметь заговорить покупателя так, чтобы тот увел с собой вместо болонки охотничью собаку. Если же случайно у вас на руках только **фокстерьер**, а придут покупать злого немецкого дога, чтобы сторожил дом, то вы должны говорить до тех пор, пока покупатель не очумеет и вместо того, чтобы увести дога, унесет в кармане вашего **карликового фокстерьера**...*

И это еще не самый смешной вариант литературной геной инженерии ПГБ. Но об этом в свое время. Здесь можно только заметить, что для самого Швейка ратлик и пинчер — синонимы. В частности, это видно из такого употребленного им в самом конце приведенного пассажа оборота, как *trpasličí ratlíček*, правильно же — *trpasličí pinč*, — собачка на сей раз из официальных книжек FCI, внешне очень напоминающая карликового пражского крысолова, но ирония и тут состоит в том, что этот пес заметно крупнее. Что-то вроде карликовой таксы, до 5 кг. Но так как ни хвост, ни уши ему не купируют, то правильный перевод во всех трех местах был бы «карликового пинчера» или даже «немецкого карликового пинчера».

Стр. 28

— В каком «Сараеве»? — спросил Паливец. — В нусельском трактире, что и? Там драки каждый день. Известное дело — Нусле!

В оригинале — в *vinárně*, — в рюмочной, погребке, вообще, к особенностям перевода следует отнести то, что довольно часто любое место, где выпивают и закусывают — это трактир, безотносительно к тому, как оно определяется у Гашека. Еще один пример, собственно, пивная «У чаши» (*hosroda «U kalicha»*).

Ст. 30

Когда я служил на военной службе, один генерал упал с лошади и расшибся. Хотели ему помочь, посадить на коня, посмотрели, а он уже готов — мертвый. А ведь метил в фельдмаршалы.

В оригинале *A měl taky avancírovat na feldmaršálka* — типичный для рассказа об армии набор дерриватов — *Avancement* и *Feldmarschall* (по-чешски *Polní maršálek*).

Вообразите себе сквер, скажем, на Карловой площади, и на каждом дереве сидит по одному солдату без всякой дисциплины. Это меня ужасно пугает.

В оригинале *Představte si park, řekněme na Karláku*, в то время как Карлова площадь — *Karlovo náměstí*, следовательно, Швейк говорит на самом деле, на Карловке, ну, примерно так же, как лихой москвич, способный назвать Пушкинскую площадь — Пушкиной или памятник герою Плевны — Плешкой.

и за это меня посадили на четырнадцать дней в одиночку. И два дня я, как Лазарь, лежал связанный «козлом».

В оригинале *mě zavřeli za to na čtrnáct dní do ajnclíku a dva dni jsem ležel jako lazar, svázaný do kozelce*. Здесь *ajnclík* (одиночка) —

дерриват, от немецкого Einzelzelle, *lazar* с маленькой буквы — разговорный термин для обозначения придурка или больного. А связанный «козлом», как совершенно верно поясняет ПГБ, это когда все четыре конечности вместе, можно спере-ди, а можно и с особой жестокостью за спиной.

Стр. 31

Вот, например, в Зливе, близ Глубокой, несколько лет тому назад жил один лесник с такой безобразной фамилией — Пиндюр.

Если следовать оригиналу, то безобразная фамилия (Pindour) должна была бы иметь более мужское звучание Елдюр или Пискер. Вообще тип грубоватой шутки не слишком характерный для Гашека.

через год она вышла замуж опять за лесника, Пепика Шалловица из Мыловар.

В оригинале *a vzala si za rok opět hajného, Pepíka Šavlovic z Mydlovár.*

«Мыловары» на самом деле — Мыдловары (Mydlovary) — десяток, другой дворов в южной Чехии. Странно, что принципиально не желая искать русских эквивалентов почти ничему от Пиндюра до айнцилика, здесь ПГБ переводит, совсем не к месту искажая географическое название.

Потом она вышла замуж за коновала из Воднян, а тот как-то ночью стукнул ее топором и добровольно сам о себе заявил. Когда его потом при окружном суде в Писеке...

В оригинале *Pak si vzala nunváře z Vodňan. Nunvář* — если говорить высоким стилем, то специалист по охолощиванию мелкого домашнего скота, свиней по преимуществу, отсюда старочешское название охолощенного животного с пяточком — *nunva*. От старонемецкого — *Nunne* — монашка.

Писек (Písek) — южно-чешский город. И если все топонимы переводить по схеме Мыдловары — Мыловары, то Писек тогда просто Песково. А Прага — Порогино.

Стр. 33.

Визит в пивную заканчивается коротким диалогом, в котором настоящие чехи, Швейк с Паливцем, говорят «неправильно», а ненастоящий чех Бретшнейдер «правильно», как и следует прихлебателю немцев.

Nic si z toho nedělej,“ těšil ho Švejek, „já tam jdu jenom pro velezrádu (velezradu).

Ale pro co já?“ zabědoval pan Palivec. „Já byl přece tak vopatrnej (opatrný).

Bretschneider se usmál a vítězoslavně řekl:

Za to, že jste řekl, že sraly mouchy na císaře pána. Oni vám už toho císaře pána vyženou z hlavy.

Но русский читатель об этом не догадывается.

— Не тревожься, — утешал Паливца Швейк. — Я арестован всего только за государственную измену.

— Но я-то за что? — заныл Паливец. — Ведь я был так осторожен!

— Бретшнейдер усмехнулся и с победоносным видом пояснил:

— За то, что вы сказали, будто на государя императора гадили мухи. Вам этого государя императора вышибут из головы.

Глава 2. БРАВЫЙ СОЛДАТ ШВЕЙК В ПОЛИЦЕЙСКОМ УПРАВЛЕНИИ

Стр. 36

Шестой, — он всех сторонился, — заявил, что не желает иметь с этими пятью ничего общего, чтобы на него не пало

подозрения, — он сидит тут всего лишь за попытку убийства голицкого мужика с целью грабежа.

В варианте ПГБ 1929 и вовсе без всякого уважения — «галицкого мужичонки». Галицкого с «а», именно так. На самом деле в оригинале используется весьма почтительное деревенское слово *pantátovi* (*pro pokus loupežné vraždy na pantátovi z Holic*). Панпапа, буквально означающего русское «батюшка» — собственный отец или тесть. *Pantáto* — простонародное сокращение от *Vy pane tatínku*. Очень часто применяется не только к членам собственной семьи, но и к любому иному почтенному и уважаемому человеку, как родственнику, так и просто соседу. Что и видим в данном случае, т. е. правильно было бы «одного папаша из Голиц с целью грабежа» или «старого дядьки из Голиц».

Аналогичное употребление слова находим в ч. 2 гл. 2:

V Radomyšli Švejek našel k večeru na Dolejší ulici za Floriánkem pantátu Melichárka. Když vyřídil mu pozdrav od jeho sestry ze Vráže, nijak to na pantátu.

В этом случае перевод ПГБ куда как адекватнее:

Вечером Швейк пришел в Радомышль. На Нижней улице за Флорианом он нашел хозяина Мелихарка. Швейк передал ему поклон от сестры, но это не произвело на хозяина Мелихарка ни малейшего впечатления.

Стр. 37

Целых два дня он избегал всяких разговоров о Фердинанде и только вечером в кафе за «марьяжем», побив трефового короля козырной бубновой семеркой, сказал:

— Семь пулек, как в Сараеве!

«Марьяж» в кавычках — здесь традиционная для Чехии коммерческая карточная игра, в известной степени аналог

как в части ряда правил, так и занимаемого социо-культурного места нашего родного преферанса, но абсолютно ничем не напоминающего ту игру, которую у нас принято называть марьяжем, начиная с того, что в колоде просто нет дамы, зато два валета, старший и младший. Так что вместо ничего не объясняющих кавычек, наверное, вернее всего было бы называть игру так, как ее официально называют на родине — чешский марьяж (*český mariáš*).

Классический вариант чешского марьяжа — игра втроем, двое ловят третьего. Играется тридцатью двумя картами (по десять в одной руке), так называемой немецкой колодой. Семерка, восьмерка, девятка, десятка, младший валет, старший валет, король и туз (*sedmička, osmička, devítka, desítka, spodek, svršek, král a eso*) четырех мастей: красная, пули, зеленая и желуди (*červené, kule, zelené a žaludy*). Немецкие карты, в отличие от привычных нам французских, одноголовые, и только красные безусловно можно признать за черви, прочие пули — алые шарики, крупные такие дробины, зеленые — листочки, ну и желуди — дубовые, как есть. В оригинале козырная семерка пулек (*kulovou sedmou trumfů*) бьет желудевого короля (*žaludského krále*).

Vyhýbal se celé dva dny jakékoliv rozmluvě o Ferdinandovi, až večer v kavárně při mariáši, zabíjeje žaludského krále kulovou sedmou trumfů, řekl:

«Sedim kulí jako v Sarajevu».

Понятно, что переводчику здесь не позавидуешь. Хотя, конечно, технически семь бубен — правильно и сами бубны на пульки похожи, но такая образность весьма прямолинейному Гашеку в высшей степени не свойственна.

Важно, наверное, и то, что «последняя взятка козырной семеркой» в терминах преферанса — специальный контракт, который в случае объявления и выполнения, удваивает выигрыш.

Марьяжные термины для описания положения и ощущения героя вновь используются в одной из последних глав романа:

Приказав на основании приговора своего полевого суда повесить учителя, учительницу, православного священника или целую семью, он возвращался к себе на квартиру, как возвращается из трактира азартный игрок в «марьяж», с удовлетворением вспоминая, как ему дали «флека», как он дал «ре», а они «супре», он «тутти», они «боты», как он выиграл и набрал сто семь.

См. комментарий в кн. 4, гл. 1, стр. 228.

Еще до сих пор от ужаса волосы стояли дыбом и была взъерошена борода, так что его голова напоминала морду лохматого пинчера.

Очередной случай «в темноте — все кошки черные». В оригинале *stájového pinče* — миттельшнауцера.

Стр. 40

Один из них был босниец. Он ходил по камере, скрежетал зубами и после каждого слова матерно ругался.

В оригинале слова боснийца даны прямой речью — *a každé jeho druhé slovo bylo: «Jeben ti duši»*. Старейший чешский исследователь Гашека Радко Пытлик неплохо знавший ПГБ и, кстати, с похвалой отзывавшийся о его работе, как-то говорил Йомару Хонзи, что ПГБ часто жаловался на притеснения советской цензуры. Возможно, здесь мы и видим искомое подтверждение справедливости слов ПГБ.

Сравни также удаление прямой речи босняков («*Jeben ti boga, jeben ti dušu, jeben ti majku*».) в кн. 3, гл. 2, стр. 76.

Меня за идиотизм освободили от военной службы. Особой комиссией я официально признан идиотом. Я — официальный идиот.

В оригинале — «já jsem byl na vojně superarbitrován pro blbost». Т. е., не особой комиссией, а окончательно признан или буквально — суперарбитрован (superarbitrován pro blbost). В контексте перевода ПГБ это изменение малосущественное, но с учетом взаимосвязи всего корпуса текстов о Швейке: рассказов, повести и романа — очевидно определяемое тем, как переводится заглавие, и главное, сам текст рассказа 1911 года «Суперарбитрование храброго солдата Швейка» (Superarbitrační řízení s dobrým vojákn Švejkem). Рассказ включает и такую пару абзацев:

Superarbitrace jest slovo původu latinského. Super — nad, arbiträre — zkoumati, pozorovati. Superarbitrace tedy «nad-zkoumán»“.

Dobře to řekl jeden štábní lékař: «Kdykoliv prohlížím maroda, činím tak z přesvědčení, že se nemá mluvit o ,superarbitrare, nadzkoumání, nýbrž o ,superdubitare, nadpochybování’, že takový marod je nade vši pochybnost zdrav jako ryba. Z toho principu také vycházím».

Суперарбитрация — слово латинского происхождения. Супер — особое, арбитрар — решение, заключение. Суперарбитрация таким образом — вынесение особого решения.

Но еще лучше это объяснил один штабной врач: «Когда осматриваем пациента, исходим из посылки, что речь идет не о вынесении особого решения, а о появлении особого подозрения, пациент особо подозревается в том, что здоров, как бык. На этом принципе стоим».

В существующем русском переводе рассказа «Решение медицинской комиссии о храбром солдате Швейке» (перевод Д. Горбова), абзац с объяснением смысла слова суперарбитрация просто выпущен.

См. также комментарии кн.1, гл. 8, стр. 79.

Стр. 43

Шесть человек в ужасе спрятались под шивые одеяла.

Только босниец сказал:

— Приветствую!

В оригинале и здесь босниец употребляет хорватский. Ничего плохого он не говорит, а в самом деле: — Здравствуйте! «*Dobro došli*».

Какая цензура помешала ПГБ в данном случае оставить все, как есть, неизвестно. Может быть, сомнения — оставить ли отдельно, как у Гашека, или написать слитно, как у носителей языка сербов, хорватов и босняков.

Утром его все-таки разбудили и без будильника и ровно в шесть часов в тюремной карете отвезли в областной уголовный суд.

— *Поздняя птичка глаза продирает, а ранняя носок прочищает*, — сказал своим спутникам Швейк, когда «зеленый Антон» выезжал из ворот полицейского управления.

Поздняя птичка глаза продирает, а ранняя носок прочищает — наверное, вместо этой поговорки, явившейся словно из сборниках находок фольклористов олонецкого края, вполне бы к месту была общегражданская: — Кто рано встает, тому Бог дает. Да, ближе это к смыслу чешской, использованной Швейком. *Ranní ptáče dál doskáče* — Утренняя птица дальше всех умчится. (Буквально, Утренняя птичка, дальше укачет.)

Совершенно очевидно, что и самому ПГБ выбранный эквивалент не очень нравился, иначе бы он, наверное, в ПГБ 1958 оставил тот же вариант, который использовал в ПГБ 1929. *Поздняя птичка глазки протрет, а ранняя уже песню поет.* Впрочем, глядя на эти песни и носки, вспоминается совсем иная поговорка, о практической равноценности шила и мыла. И все это, по-видимому, от того, что пытался во что бы то ни стало привязаться к субъекту высказывания, а не к выраженной им причинно-следственной связи.

Глава 3. ШВЕЙК ПЕРЕД СУДЕБНЫМИ ВРАЧАМИ

Стр. 44

выбеленные стены, черные начищенные решетки и сам толстый пан Демертини, старший надзиратель подследственной тюрьмы, с фиолетовыми петлицами и кантом на форменной шапочке.

Форменная шапочка (в оригинале *erárná šerice*). Первое упоминание слова (*šerice*), с которым переводчик по неизвестной причине так и не смог сладить. Здесь оно у него — «шапочка», когда пойдут офицеры в *šerice*, она немедленно превратится в фуражку и т. д. На самом же деле сам Гашек отличал и не пугал, не в пример многому другому, австрийское казенное кепи (а именно так переводится *erárná šerice*) от совершенно на нее не похожей ни формой, ни устройством, русской фуражки (*fugažce*). См. комментарий к приключениям Швейка, переодетого в форму русского пленного: кн. 4, гл. 1.

...а следователи, современные Пилаты, вместо того чтобы честно умыть руки, посылали к Тессигу за жарким под соусом из красного перца.

Блюдо, которое ПГБ перевел, как «жаркое под соусом из красного перца» (в оригинале — *pro papriku*, буквально «за перцами») переводчики на немецкий, английский и прочие европейские языки единогласно именуют гуляшом, с ними согласен и Ярда Шерак: *Paprikou zde nerozuměj chroupání paprikových lusků k pivu, ale jíst vepřový guláš s chlebem či knedlíkem* (Перцы здесь не в смысле хрустеть ими с пивом, а есть свиной гуляш с хлебом или кнедликом).

Стр. 45

Здесь в большинстве случаев исчезала всякая логика и побеждал параграф, душил параграф, идиотствовал параграф, фыркал

параграф, смеялся параграф, угрожал параграф, убивал и не прощал параграф. Это были жонглеры законами, жрецы мертвой буквы закона, пожиратели обвиняемых, тигры австрийских джунглей, рассчитывающие свой прыжок на обвиняемого, согласно числу параграфов.

В оригинале совершенно иная графика, дающая буквальное ощущение бессмысленных решеток и загородок:

Zde mizela povětšíně všechna logika a vítězil §, škrtil §, blbl §, prskal §, smál se §, vyhrožoval §, zabíjel §, a neodpouštěl §. Byli to žongléři zákonů, žreci liter v zákonících, žrouťi obžalovaných, tygři rakouské džungle, rozměřující sobě skok na obžalovaného podle čísla paragrafů.

У меня на совести, может, еще побольше, чем у вас, ваша милость.

В оригинале Швейк использует совершенно замечательную форму вежливости — обращение к собеседнику в третьем лице, множественном числе, «у них», вместо «у вас»: *než ráčejí mít voni* вместо *máte vy*, кроме того, он не говорит «ваша милость» (*vaše milosti*), а «вашество» — *vašnosti*.". (В варианте ПГБ 1929 точнее, чем в ПГБ 1958 — «вашескородие»). Ниже вся фраза полностью:

«já mám toho, může být,, ještě víc na svědomí, než ráčejí mít voni, vašnosti».

Стр. 47.

Как-то в Нуслях, как раз у моста через Ботич, когда я ночью возвращался от Банзета, ко мне подошел один господин и хватъ арапником по голове;

В оригинале «от Банзетов» (*od Banzetů*), что и понятно, именно так называется существующая и по сей день на Таборской улице напротив ратуши (Praha 4 — Nusle, Tábor-

ská 389/49) пивная «У Банзетов» (U Banzetů). Ошибка в числе — скорее всего обыкновенный недосмотр. Далее, в кн. 1, гл. 13. стр. 165, правильно. *Однажды появилось на солнце пятно, и в тот же самый день меня избили в трактире «У Банзетов», в Нусях.*

Еще раз упоминается и правильно переведено в кн.4, гл. 3, стр. 265: *но он был так скромн, что ходил только к Банзетам в Нусли...*

стр. 48

И если в случае со Швейком три противоположных научных лагеря пришли к полному соглашению...

В оригинале:

*Jestli v případě Švejkově došlo k úplné shodě mezi těmi **protivopoloženými** vědeckými tábory.*

Место замечательное тем, что здесь Гашек употребляет не чешское слово, а русское. Вместо нормального и понятного любому его соотечественнику *protilehlými* пишет русское *protivopoloženými*. Кстати, во многих поздних изданиях замена одного на другое молча делается редакторами. Использование русизмов, и вообще упрек в том, что после пяти лет пребывания в России Гашек призабыл родной язык — одно из самых ходовых и распространенных у критиков романа.

Действительно, русизмы время от времени попадают, например буквально в следующей главе мелькнет нечешское слово *chalát* (Napřed ho svlékli do naha, pak mu dali nějaký chalát) — вместо правильного для халата чешского *plášť* и там же находим понятный чехам, но экзотический *koridor* (Tomuto člověku vrátíte jeho šaty a dáte ho na třetí třídu na první koridor) вместо естественного и общепринятого — *chodba*. Но в целом подобные включения в общем корпусе текста скорее случайность, чем хроническая патология.

См. также комментарий к самому неожиданному из всех гашековских русизмов *horizontální radost* — «горизонтальная

радость»: кн. 3, гл. 2 стр. 101. Невероятной замены чешского определения *horontní* — «фантастический» на созвучное русское с совершенно несходным значением. Выглядит как попытка перевода Швейком обыкновенного слова через русский в какой-то особо торжественный латинско-греческий регистр (*horizontis*).

А «горизонтальный» по-чешски — слово, понятное и без перевода — *vodorovny*.

Глава 5. ШВЕЙК В ПОЛИЦЕЙСКОМ КОМИССАРИАТЕ НА САЛЬМОВОЙ УЛИЦЕ

Стр. 58

когда мы обошли с дюжину различных кабачков

В оригинале — *když jsme přešli asi tucet těch různých pajzličků*. Словом *pajzl* обозначают не что-либо, а совершенно конкретный тип питейных заведений с доп. услугами от сотрудниц женского пола, т. е. здесь буквально «дюжину притончиков» или просто «бардачков».

Стр. 60

съездил я раз одному факельщику из похоронного бюро по роже

В оригинале — *jsem dal jednou jednomu funebrákovi facku*. *Funebrák* — отнюдь не факельщик, а некий обобщенный, вообще, сотрудник похоронной конторы. От латинского *funus* — похороны, погребение.

и это сейчас же появилось в «Вечерке»...

В оригинале — *a hned to bylo v odpoledníčku*. То есть просто в вечернем выпуске газеты. Какой-то. Обычно по будням газеты тех времен в отсутствии Интернета и телевидения, выхо-

дили и раскупались двумя выпусками. Утренним и вечерним. В утренний, шестичасовой успеть с ночными новостями было трудно, а вот послеобеденный, он же вечерний (odroledník), в 17.00, уж непременно. В общем, кавычки не нужны. В ПГБ 1929 было: «на другой же день — пожалуйста — попал в газеты», что правильнее, но не точнее.

Глава 6. ПРОРВАВ ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ, ШВЕЙК ОПЯТЬ ОЧУТИЛСЯ ДОМА

Стр. 63

полицейское управление представляло собой великолепную кунсткамеру хищников-бюрократов, которые считали, что только всемерное использование тюрьмы и виселицы способно отстоять существование замысловатых параграфов.

В оригинале нет никакой кунсткамеры, сказано просто «компанию бюрократических хищников» (skupiny bytocratických dravců).

Стоит обратить внимание, что теперь и полиция, как до того суд (см. кн. 1, гл. 3, стр. 45) ассоциируется у Гашека только и исключительно с параграфами законов. Единственное отличие в том, что вне перечисления параграфы теряют свою естественную форму тюремной загородки и вновь превращаются в слово (aby uhájili existenci zakroucených paragrafů.)

Стр. 65

— Идите к черту, — пробормотало наконец чиновничье рыло.

Замечательно то, что хищник, говоривший все это время строго на формальном, правильном чешском, побежденный и сокрушенный Швейком, вдруг переходит на демократичный разговорный. Становится человеком.

«Vem(vezmi) vás čert, Švejku,“ řekla nakonec úřední brada

В пивной царило гробовое молчание».

На самом деле речь идет о барной стойке — *vůčep* (*Ve vůčepu panovalo hrobové ticho*), это становится совершенно уже несомненным, когда через несколько минут придет Бретшнейдер и «бросит мимолетный взгляд на стойку (*vůčep*) и пустой зал (*locál*)». (*Vrhnul zběžný pohled do vůčepu i prázdného lokálu*). Швейк, получается, раз зал пустой, стоит перед стойкой.

Но, вообще, правильнее всего было просто каким-то образом ввести и объяснить всю терминологию, связанную с чешской «господой» (пивной). В частности, например, уточнить, что барная стойка в европейском смысле в чешской госпode отсутствует, как и в классическом английском пабе. Т. е., *vůčep* — просто стойка с пивными кранами и парой, тройкой бутылок чего-нибудь покрепче, возле нее нет высоких стульев, а есть длинные столы напротив, а иногда и этого нет, как, например, в колыбели 2, 3 и 4 книг «Швейка» — «Чешской короне» в Липницах. Всего лишь на всего маленький предбанник, где наливают. Посетитель пьет пиво либо стоя у стойки, либо сидя за общим столом, при этом, как правило, громко беседуя с хозяином (господским). Для тех, кто хотел бы не поболтать, а перекусить, имеется либо отдельный смежный зал, либо дальняя от стойки часть общего зала (*locál*). Если это сделать, ввести и закрепить понятия, тогда ничего и переводить не надо, как слово «паб» в английских романах. Просто писать: господа, господский, локал, ну а рассматриваемый фрагмент тогда примет вид:

В вычепе царило гробовое молчанье.

Стр. 66

А потом, после приговора, когда его уводили, взял да и крикнул им там, на лестнице, словно совсем с ума спятил: «Да здравствует свободная мысль!»

В оригинале последние два слова имя собственное: *„Ať žije Volná myšlénka!“*. «Свободной мыслью» называлось периодическое издание чешского подразделения антиклерикального, атеистического движения с тем же названием и основанного в Праге в начале двадцатого века. Что, конечно, много смешнее того, что получилось у ПГБ. Очевидно, только окончательно рехнувшийся кабатчик мог выкрикнуть на суде, если взять русскую аналогию: «Да здравствует Религиозно-философское общество», ну или «Самопознание».

В 1911 Гашек написал и опубликовал затем в журнале «Карикатуры» злой фельетон как о практике самого чешского антирелигиозного движения, так и о его печатном органе — журнале, который так и назвал «*Volná myšlénka*». Так что здесь давняя любовь.

Стр. 67

Мне нужен хороший пинчер, или, скажем, спиц, или вообще что-нибудь в этом роде...

В оригинале никакого упоминания о спице в этот момент нет: *Potřeboval bych pěkného ratlíčka, nebo něco podobného*. Ну и понятно, что пинчер — это пражский крысолов. Ратлик. См. комментарий кн. 1, гл. 1, стр. 27.

Стр. 69

Швейк между тем собрал части его туалета, принес их к постели и, энергично встряхнув швейцара, сказал:

Позволю себе здесь начать обсуждение фрагмента очень издаека, поскольку в оригинале используется удивительное слово, всегда меня поражавшее и казавшееся не вполне русским в текстах Льва Николаевича Толстого: «энергически», в смысле, «решительно».

Вот как у Гашека:

Švejk sebral mezitím části jeho garderoby, přinesl mu je k posteli, a zatřepav jím energicky, řekl:

А вот лишь малая толика примеров из одной лишь «Анны Карениной»:

— Должно быть, очень *энергический* господин, — сказал Гриневич, когда Левин вышел.

Он пожал маленькую ему поданную руку и, как чему-то особенному, обрадовался тому *энергическому* пожатию, с которым она крепко и смело потрянула его руку.

Во всей фигуре и в особенности в голове ее было определенное *энергическое* и вместе нежное выражение.

Попадаетея такое определение и в других произведениях Гашека, например, «История о славном шведском солдате» (Povídka o hodném švédském vojákovi):

Víčka se mu zavírala, údy dřevěněly a byl zoufalý, když napadla ho náhle skvostná myšlenka: způsobí si nějakou hroznou bolest, takovou, aby mu nedala usnout. Byl **energický**.

Веки у него закрывались, члены деревенели, и он уже совершенно отчаялся, когда пришла ему в голову внезапно прекраснейшая мысль, что надо так себя поранить, чтобы от боли уже не уснуть. Был **решителен**.

Ну и в виду всего сказанного, наверное, понятно, что не совсем точен ПГБ, либо ему следовало воспользоваться несколько неестественным, но красивым толстовским словечком в этой фразе «и, энергически встряхнув швейцара, сказал:», либо написать совсем уже просто «и, решительно встряхнув швейцара, сказал: ...» и это был бы буквальный перевод чешского слова *energicky*.

Стр. 71

статьи расхода секретного фонда государственной полиции, где значилось: СБ — 40 к.; ФТ — 50 к.; Л — 80 к.

В оригинале буква одна — rozšifrovali položky tajného fondu státní policie, kde stálo: В...40 К, F...50 К, L...80 К atd. Понятно, что ничего меняющего или искажающего смысл тут нет, просто загадка без объяснения.

Стр. 72

Сенбернар был помесь нечистокровного пуделя с дворняжкой; фокстерьер, с ушами таксы, был величиной с волкодава, а ноги у него были выгнуты, словно он болел рахитом;

Волкодав — вовсе не безликий охранник стад. В оригинале сказано *řeznický pes (měl uši jezevčíka a velikost řeznického psa se zakroucenýma nohama)*, а это народное название ротвейлера.

Леонберг своей мохнатой мордой напоминал овчарку, у него был обрубленный хвост, рост таксы и голый зад, как у павиана.

В оригинале все не так.

Leonberger připomínal hlavou chlupatou tlamu Leonberger připomínal hlavou chlupatou tlamu stájového pinče, měl useknutý ohon, výšku jezevčíka a zadek holý jako proslulí psíci, naháčkové američtí.

Овчарка — тут «миттельшнацер» (stájový pinč), а вот — *zadek holý proslulí psíci, naháčkové američtí* — это вовсе не «голый зад павиана», а «голый зад знаменитой собачки — американского безволосого терьера». Гашек, неудавшийся заводчик псов, блистает здесь уникальными познаниями, а ПГБ превращает его зачем-то в заурядного посетителя городского зоопарка.

Глава 8. ШВЕЙК — СИМУЛЯНТ

Стр. 82

— Мне вывихнули ногу за пятерку, — раздался голос с постели у окна. — За пять крон наличными и за три кружки пива в придачу.

В оригинале:

„Já mám vymknutou nohu za pětku,“ ozvalo se z řady postelí u okna, „za pětku a tři piva.“

Здесь пятерка (pětka) — не крон, а золотых. Дело в том, что кроны сменили золотые в Австро-Венгрии буквально на перевале века, в 1892 году, и старые названия еще держались в памяти и очень часто применялись в расчетах, при этом курс был 1 золотой — 2 кроны. Таким образом, если зачем-то переводить в новые деньги, то речь о десятке — 10 крон наличными.

Стр. 86

Я уже ночью заметил, что у меня прошла одышка.

В оригинале já už v noci pozoroval, že mne záducha přešla. Záducha — вполне конкретная астма, а не одышка вообще.

Стр. 87

Сам Сократ не пил свою чашу с ядом так спокойно, как Швейк.

В оригинале все очень четко: Ani Sokrates nepil svou číši bolehlavu. Те, «чашу с цикутой» (болиголовом).

— *Даже самые простые свиные шкварки можно есть, покуда они теплые.*

Здесь ошибка переводчика, искажающая смысл. В оригинале: I ty sprosté lojové škvarky se dají jíst. Lojové škvarky (вообще, lůj) — как раз не свиной, а любой другой животный жир, говяжий или бараний. Соответственно, такая гадость, которую в отличие от вкусеньких свиных шкварок, не то чтобы в рот брать, смотреть на них тошно. Буквально несчастный, изголодавшийся человек говорит следующее:

— Даже самые простые шкварки из бараньего сала есть можно, покуда они теплые.

Стр. 89

На фуляре была картинка, на которой разрывалась шrapнeль и герой в стальной каске с винтовкой наперевес бросался в атаку.

В оригинале: nějaký člověk v šišáku se žene s bodákem kupředu. Šišák — вовсе не стальная каска (знаменитая, с рожками), которая, кстати, появилась в немецкой армии только лишь в 1916 г., это шлем фетровый, с металлическим шишаком на темечке, откуда название. Тот самый, анекдотический, который надевали карикатуристы всего мира на голову Бисмарку. Немецкое название головного убора — Pickelhaube.

Глава 9. ШВЕЙК В ГАРНИЗОННОЙ ТЮРЬМЕ

Стр. 96

А он еще потом дней десять жил. Живучий был, сукин сын!

В оригинале: A ještě deset dní byl živ. Hotovej nezmar. Nezmar — гидра обыкновенная (hydra vulgaris). Поразительный живой организм неподверженный старению и способный восстанавливать себя похлеще ящерицы. Не просто вырастить оторванный хвост, а из хвоста живот и голову. Вообще, из любой части тела всего себя заново.

А он еще потом дней десять жил. Прямо феникс! — говорит фельдфебель Ржепа.

Ну, или, как вариант, вспоминая русского носителя бессмертия кощя с бабой Ягой.

Прямо нежить!

См. также перевод того же слова в сходном контексте, как гидра, далее. Комментарий кн. 1, гл. 13, стр. 161

Стр. 97

К примеру, придет инспекция и спросит: «Есть жалобы?» Так ты, сукин сын, должен стать во фронт, взять под козырек и отрапортовать: «Никак нет, всем доволен». Ну, как ты это скажешь? Повтори-ка, мерзавец!

Здесь все хорошо, кроме одного, ругается зритель Славик очень красочно и своеобразно, причем все определения, которые он использует, неповторимо испражнительно-извергательной аромы, а вовсе не затертые «сукины сыны» и «мерзавцы».

К примеру, придет инспекция и спросит: «Есть жалобы?» Так ты, засранец, (буквально сортирный тип — hajzlíku) должен стать во фронт, вонючка (smrade), взять под козырек и отрапортовать: «Никак нет, всем доволен». Ну, как ты это скажешь? Повтори-ка, сблев ты этакий (hnuse)!

Занятно и превращение немецкого уставного «смирно» (habt acht) в чешское веселое harták. У ПГБ, как всегда, максимально нейтральное, «стать во фронт».

Стр. 99

После посвящения он пошел в свой полк искать протекции и, когда его назначили фельдкуратором...

Здесь чрезвычайно важная особенность стилистической окраски воинских званий у Гашека, отчетливо проявляющаяся как часть общего славяно-германского противостояния. В авторском тексте, а также в разговорах солдат-чехов все они всегда исключительно чешские, капитан гейтман (hejtman),

старший лейтенант всего мира — поручик (nadporučík), фельдфебель — шикователь (šikovatel) и т. д., полевой священник — полевой священник (polní kurát). В официальной речи все звания всегда немецкие: капитан — гауптман (Hauptmann), старший лейтенант — обер-лейтенант (Oberleutnant) и т. д., полевой священник — фельдкурат (Feldkurat). Если немецкое название используется в авторской или прямой речи чехов, то смысл почти всегда иронический.

В предложении выше, в авторском тексте фельдкурат — полевой священник — byl jmenován polním kurátem.

Вся эта смысловая игра в романе полностью нивелирована ПГБ.

Он увлекался игрой в «железку», и ходили не лишённые основания слухи, что играет он нечисто.

То, что в переводе названо «железкой», в оригинале называется ferbl (Velmi rád hrával ferbla). Очевидно, что ПГБ, не слишком разбиравшийся не только в собачьих породах, но и в карточных играх, решил здесь положиться на свою языковую интуицию и счёл название каким-то искажением французского chemin de fer, в то время как здесь искажение немецкого Farbstoff. То есть речь идет не о популярной в России до первой мировой «железке», очень похожей на очко, а о совершенно неизвестной в отечестве чешской игре «краски» (barvička — второе, чешское название ferbla), очень похожей на предельно упрощенный покер. Когда игрок стремится собрать в руке или масть, или как можно больше очков картами одной масти. Карты, если только не в современном казино, обычно марьяжные. См. комментарий кн. 1, гл. 2, стр. 37.

В ПГБ 1929 вполне корректный вариант «увлекался игрой в „фербл“».

*Есть ли в мире кто милей
Моей милки дорогой?
Не один хожу я к ней —
Прут к ней тысячи гурьбой!
К моей милке на поклон
Люди прут со всех сторон.
Прут и справа, прут и слева,
Звать ее Мария-дева.*

Эти, сделавшиеся в русском переводе (перевод Я. Гурьяна, см. комментарий ПГБ, кн.1, стр. 438) совершенно непристойными вирши, таковыми в оригинале вовсе не выглядят:

*Ze všech znejmilejší
svou milou já mám,
nechodím tam za ní sám,
chodí za ní jiných více,
milenců má na tisíce,
a ta moje znejmilejší
je panenka Maria...*

В этом невинно-пасторальном, в каких-то дальних скитаниях подобранном автором Швейка славословии святой Девы (никакими фольклористами покуда не опознано, включая Вацлава Плетку [VP 1968]), нет никаких грубых и скабресных «лезут», «прут» или «гурьбой». Наивная, чистая любовная лирика: «милочка», «зазнобушка».

И не случайно в рассказе 1913 года «Идиллия в жижковском доме призрения» (Idyla z chudobince na Žižkově) этот же напев Гашек вкладывает в уста истинно верующей, помирающей и святой Девой спасаемой, бабушки Пинтовой:

Když ráno přišel lékař, aby nějakou injekcí Pintové zmírnil smrtelný zápas, našel ji sedět u stolu velmi veselou a zpívající: „Ze všech znejmilejší mou milou já mám“.

Когда утром пришел врач, чтобы каким-нибудь уколом облегчить предсмертные муки Пинтовой, он нашел ее сидящей у стола, веселой и мурлыкающей: «Из зазнобушек из всех, самую имею славную».

Babička Pintová měla opravdu. Ráno, když přišel lékař, slyšel, jak chodí po světnici a zpívá: «Nechodím tam za ní sám, chodí za ní jiných více, milenců má na tisíce, a ta moje znejmilejší...»

Бабушка Пинтова оказалась права. Утром, когда пришел врач, он слышал, как она ходила по своей комнатке и пела: «Не хожу я к ней один, ходит много к ней других, тысячам мила, милая моя зазнобушка» и т. д.

Стр.105

так как в его руках было сосредоточено такое количество протоколов и совершенно запутанных актов,

В оригинале: poněvadž měl tak hrozné množství restů a spletených akt, где restů — мн. число от деривата с немецкого der Rest, т. е., неоконченных дел, а вовсе не «протоколов», что, очевидным образом, немаловажно в данном контексте. То есть, аудитор Бернис «имел на руках великое множество неоконченных дел и перепутанных бумаг».

Зато у меня на примете есть одна девочка...

В оригинале забавное и весьма распространенное: Ale vím o jedné žábě. Т. е., «имею на примете одну миленькую лягушонку». А можно и совсем по-русски — «телочку». Не то, чтобы тут смысл слишком уж страдал, но опять и опять все под одну простую гребенку.

Стр. 111

Потом один из нас каким-то чудом разжился махоркой.

В оригинале: Potom tam jeden od nás dostal zvenčí nějakým způsobem dramku. Dramky — не махорка, а сорт самых дешевых довоенных сигарет Drama. Сотня стоила 1 крону.

Глава 10. ШВЕЙК В ДЕНЩИКАХ У ФЕЛЬДКУРАТА

Стр. 113

В его штаны влезло бы еще три Швейка. Бесконечные складки, от ног и чуть ли не до шеи, — а штаны доходили до самой шеи, — поневоле привлекали внимание зевак. Громадная грязная и засаленная гимнастерка с заплатами на локтях болталась на Швейке.

Очевидно, что часть воинского обмундирования, прикрывающего нижние конечности, только глубоко гражданский человек мог назвать штанами. Это брюки, форменные брюки. Слово «гимнастерка», хотя и бесспорно военное, но настолько специфически советское, рожденное гражданской войной и революцией, что уж тем более не на месте. Должны быть китель, полевой или форменный китель. Кстати, если, несмотря ни на что, держаться за красноармейский цейхгауз, то там где гимнастерка, там же и шаровары.

Штаны висели, как у клоуна в цирке.

В оригинале здесь крайне редкий, но встречающийся не только у Гашека англицизм, причем без транскрипции — clown (Kalhoty visely na něm jako kostým na clownovi z cirku). Обычное слово для обозначения коверного в чешском рифмуется с именем автора Швейка — šašek. Так его часто и дразнили недруги: Našek — šašek. Можно предположить, что это одна из причин такого выхода романного словаря за все мыслимые нормативные границы словарей.

Еще о неожиданных Гашековских англицизмах см. кн. 1, гл. 18, стр. 159.

Стр. 115

Брось забавлять этих чудаков!

В оригинале: Budeš je bavít, nádivy! Nádiva — вовсе не чудак, а зануда. Много о себе мнящий нудила. Любопытно, что в ПГБ 1929: «Брось их забавлять, чудила!», т. е. обращение, что элементарно по падежному окончанию не проходит. Звательный будет nádivo.

Стр. 118

Остановились они за «Флоренцией», в маленьком кафе, где толстяк продал свои серебряные часы.

Совершенно непонятно, по какой причине «Флоренция» — не кафе, не ресторан, а название отдельного угла на границе пражских районов Старе Место и Карлина оказалось в русском переводе в кавычках. Ныне знаменит центральной пражской автостанцией, а во времена Швейка — это было место расположения дешевых привокзальных борделей.

В варианте ПГБ 1929 топоним «Флоренция» вообще опущен. «Остановились они в маленькой кофейне». Очевидно, ПГБ мучали сомнения, хотя и непонятно почему. Все-таки прожил в Праге почти два десятка лет.

Стр. 119

— Так. Это, во-вторых. А теперь, в-третьих. Водку пьете?

— Никак нет, водки не пью, только ром.

В оригинале никакая водка не упоминается, речь о совершенно другом, во всех разнообразнейших вариантах популярном, таком же национальном, как и пиво, чешском напитке — коржалке (kořalka).

Tak to by bylo to druhé. A teď to třetí. Pijete kořalku?

Poslušně hlásím, že kořalku nepiju, jenom rum.

Чешская коржалка — вовсе не разведенный студеной водой до 40 градусов крепости пшеничный или картофельный спирт, это либо самое простое — наливка, или немного лучше и честнее — спиртовая настойка на травах, пряностях и т. д. (koření + alkohol), без последующей перегонки, либо настоящий плодово-овощной самогон с или без спец. добавок к начальной браге (сливовица или джин, например). Разницу между первым, наиболее дешевым, «поддельным» (наливка) и вторым настоящим, благородным типом напитков, производимым из фруктовой браги или настойки путем повторной перегонки, подробно обсуждает фелькурат Катц в одной из частей этой же главы. См. комментарий кн. 1, гл. 10, стр. 130. См. также комментарий кн. 1, гл. 14, стр. 191.

Тем не менее, во всем тексте перевода ПГБ упрямо заменяет коржалку, а равно настойку и наливку, на водку, изгоня, таким образом, и этот чешский привкус и признак из романа. Да просто запутывая читателя.

Стр. 121

На третий день пришел денщик поручика Гельмиха.

Точно так же, как это имеет место с воинскими званиями (см. комментарий, кн. 1, гл. 9, стр. 99), в тексте Гашека вполне определенным образом используются разные варианты определения денщика. В авторском тексте, если отсутствует ирония или сарказм, это «армейский слуга» (vojenský sluha), как в этом фрагменте:

Třetího dne přišel vojenský sluha od nadporučíka Helmicha.

В прямой речи солдат и офицеров в зависимости от ситуации и национальной принадлежности говорящих используется три разных немецких деривата — несколько пренебрежительное, но ходовое *putzleck* (Putzleck), как, например, парой абзацев ниже:

«*Poslušně hlásím*», odpověděl Švejk, přidržuje polního kuráta opěť ke stěně, «*že jsem váš pucflek, pane feldkurát*».

— Осмелюсь доложить, господин фельдкурат, — ответил Швейк, снова прислоняя фельдкурата к стене, — я ваш денщик.

Также регулярно встречается эмоционально совершенно нейтральное *burš* (*Bursche*), как в гл. 9, стр. 106 во время разговора Отто Каца с аудитором Бернисом.

«*Já potřebuji burše*», řekl polní kurát,
Мне нужен денщик, — сказал фельдкурат.

И уже оскорбительное *fajfka* (*Pfeife*), как правило, в авторском тексте или прямой речи чехов, см. кн. 1, гл. 13, стр. 165.

«*Taková fajfka chce něco vyhrát*», ozval se z kouta desátník.

— Такой денщик-холуй выиграет! — отозвался из угла отделенный.

У ПГБ, как водится, все варианты заменяются самым нормативным из длинного ряда возможных синонимов.

Стр. 123

— *Dominus vobiscum, et cum spiritu tuo. Dominus vobiscum*
/Благословение господне на вас, и со духом твоим. Благословение господне на вас (лат.)/.

Совсем уже необъяснимое искажение. Латинская фраза, столь неотъемлемая, что стала синонимом католической мессы, никакого упоминания о благословении не содержит, а переводится: «Да прибудет Господь с тобой и духом твоим».

Помню золотое время,
Как все улыбались мне,
Проживали мы в то время
У Домажлиц в Мерклине.

В оригинале приведенный куплет (первый, на самом деле не выдуманной Катцем, а как и все прочие народной песенки) выглядит так:

*Vzpomínám na zlaté časy,
když tne houpat na klíně,
bydleli jsme toho času
u Domažlic v Merklíně.*

Klín — помимо прочих значений, нижняя часть тела, ноги (spodní část lidského trupu); houpat na klíně — вообще, говоря, «качать на коленях». Сравни с типичным советом молодой маме: Malé bude 6 měsíců a přes den neusne jinak než houpaním na klíně (Шестимесячный ребенок не уснет без того, чтобы покачать его на коленях). Таким образом, песня не об улыбке судьбы, как это показалось переводчику (Я. Гурьяну), а о несчастной любви.

Вспоминаю я то время,
Как садил ты на колени,
Оба жили в пору ту
У Домажлиц в Мерклину.

А второй куплет у этого коротенького плача такой:

*Vzpomínám si, jak to bylo
A dostávám brnění
Srdce se mi zastavilo
Jazyk při tom zdřevění*

Вспоминаю это время
И я вся немею
Сердце биться уж не может
Язык каменеет.

Фельдкурат затих и только молча смотрел вокруг своими маленькими поросячьими глазками с пролетки, совершенно не понимая, что, собственно, с ним происходит.

Ничем не примечательное место, если бы не комментарий ПГБ (стр. 433): «Пролетка — в Чехии извозчицьи дрожки были крытыми». Вообще, крытая пролетка — уже бричка. В оригинале — drožku. Милан Годик в своей энциклопедии цитирует путеводитель по Праге 1905 года, из которого следует, что в Праге до войны к услугам уставших было два вида наемного гужевого транспорта — дрожки (drožku) — одноконный экипаж и фиакр (fiakt) — двухконный. Там же приведен рисунок (художник Людвик Марольд) пражского фиакра тех далеких времен, крытым его назвать трудно. Все что имеется — откидываемый тент, на рисунке сложенный. Классические пролетка/дрожки, кузов фаэтон. То есть перевод стопроцентно верный, что подтверждает отсутствие комментария переводчика к этому же месту в ПГБ 1929.

По всей видимости, перерабатывая ПГБ 1929 в ПГБ 1958, Петр Григорьевич неожиданно увидел другой рисунок, а именно иллюстрацию к этому месту Йозефа Лады (приведена между стр. 128—129), на которой изображена крытая бричка и фельдкурат в окошке. И смутился. А чтобы не править везде пролетку на бричку, добавил неожиданное пояснение. К сожалению, многочисленные изобразительные материалы тех времен, скорее дают повод говорить о фантазии Лады, чем о возможности обобщения.

См. далее комментарий здесь же, кн. 1, гл. 10, стр. 127.

— *Не дрыхни, дохлятина!*

Так буквально в оригинале: «Nespi, ty chcíráku». Слово chcírák — презрительное название любого немощного. Другое дело, что в русском «дохлятина» — обычно слабая лошадь, а нездоровый человек, которого желают оскорбить — «ханыга», «цуцик», «доходяга», «живой труп».

Стр. 126

— «В сиянье месяца золотого...».

В оригинале — «Okolo měsíce kola se dělají». Здесь, по всей видимости, ПГБ не опознано начало народных девичьих страданий сазавского края (см. комментарий кн. 1, гл. 11, стр. 144).

Kola se dělají okolo měsíce.
Muj milejší na mě hněvá, že nemám tisíc
Že nemám tisíce, jsem dívka chudobná,
ale přece zůstávám já panenka poctivá.
Žlutne listí, žlutne, suché padá dolů,
a já dívka přechudobná musím jít do hrobu.
Hrobu se nelekám, není tak hluboký,
vždyť ta naše chudá láska trvala tři roky.
Trvala tři roky, několik měsíců,
ty měsíce ti odpustím, léta však nemohu

Кругом колесо уже месяц ходит,
Зол мой милый на меня, что тысяч не будет,
Что тысяч не будет за мной девкой бедной,
Девкой такой бедной, да такую честной.

И т. д. А золотые только листы, да и они желтые (žlutne). Падают желтые на травку хилую, девку бедную зовут за собой в могилу.

Любопытно, что в то время как любимые песни Швейка — солдатские, фельдкурата Каца — девичьи.

Стр. 127

Понадобилось более четверти часа, чтобы толковать ему, что он ехал в крытом экипаже. Но и тогда он не согласился платить, возражая, что ездит только в карете.

В оригинале:

a trvalo to přes čtort hodiny, nežli mu vysvětlili, že to byla drožka. Ani pak s tím nesouhlasil namítaje, že jezdí jedině ve fiakru.

T. e.:

Понадобилось более четверти часа, чтобы втолковать ему, что он ехал в пролетке. Но и тогда он не согласился платить, возражая, что ездит только в фиакре.

См. комментарий здесь же, стр. 124. Можно добавить, что дрожки были двухместным, а фиакр — четырехместным экипажем.

Стр. 130

— Я понимаю, — изливался фельдкурат, — если человек пьет благородные напитки, допустим, арак, мараскин или коньяк, а ведь я вчера пил можжевеловку.

И далее:

Была бы хоть настоящая можжевеловая настойка, какую я однажды пил в Моравии.

Оригинал:

Trochu, pravda, to pozměnil. «Kdyby», řekl, «člověk pil nějaké ušlechtilé nápoje, jako arak, marašino, koňak, ale to jsem včera pil borovičku».

...

A kdyby byla aspoň pravá, destilát z jalovce, jakou jsem jednou pil na Moravě. Ale tahle borovička byla z nějakého dřevěného lihu a olejí.

Можжевеловка или джин — классический вариант коржалки. См. комментарий кн. 1, гл. 10, стр. 119. Благородный вариант — возгонный (Distilled gin) — получается путем перегонки спиртового настоя можжевеловых ягод и дополнительных приправ (is crafted in the traditional manner, by re-distilling neutral spirits of agricultural origin with juniper berries and other botanicals). И составной (Compound gin), который

является чистой наливкой без последующей перегонки (is made by simply flavoring neutral spirit with essences and/or other 'natural flavorings' without redistillation). ПГБ в приведенном фрагменте все перепутал. Катц жалуется именно на то, что пил какую-то можжевеловую наливку (borovička) и сладко вспоминает, как в Моравии ему давали настоящую можжевеловку (destilát z jalovce), ну или джин. См. здесь же ниже комментарий о «холодном способе» изготовления коржалок.

Моравия, восточная часть Чехии, — мать многих знаменитых, благородных коржалок. В первую очередь сливовицы.

А ведь вчерашнюю сделали на каком-то древесном спирту или деревянном масле...

В оригинале: z nějakého dřevěného lihu a oleju. То есть из какого-то древесного спирта и эссенции (масла). Деревянное масло — это елей или оливковое масло и при изготовлении поддельного джина не используется ни в каком случае.

Водка должна быть натуральной, настоящей, а ни в коем случае не состряпанной евреями холодным способом на фабрике. В этом отношении с водкой дело обстоит, как с ромом, а хороший ром — редкость...

Очевидно, что никакого холодного способа производства водки нет и не может быть в природе. Холодным способом можно сделать только наливку вместо коржалки. Приправить чистый спирт. О чем и рассуждает с тяжелого похмелья фельдкват. См. комментарий к гл. 10, ч. 1, стр. 119. В оригинале везде коржалка:

Kořalka je jed, «rozhodl se», musí být původní originál, pravá, a nikoliv vyráběná ve fabrice na studené cestě od židů. To je jako s rumem. Dobrý rum je vzácností.

Следует заметить, что ром тут, в связи с осуждением «холодного способа» изготовления коржалки, упоминается вовсе не случайно. Дело в том, что помимо натурального кубинского или ямайского рома в самой Чехи имелся и ром собственного изготовления, так называемый местный (tuzemský) ром, состряпанный именно ненавистным фельдкурату холодным способом — добавлением к спирту эссенции тростникового сахара и красящих веществ.

Нет сомнений, что сам Гашек очень хорошо знал разницу между водкой и другими крепкими напитками — коржалкой или ликером. См. здесь же комментарий к стр. 133.

Была бы под рукой настоящая ореховая настойка, — вздохнул он, — она бы мне наладила желудок.

В оригинале: «Kdyby zde byla pravá ořechovka», povzdechl, «ta by mně spravila žaludek».

Ořechovka — ореховый ликер (Likér ovocný ořechový). Главные компоненты при изготовлении — спирт, вода, незрелые грецкие орехи и, тут главное отличие от настойки, много сахара (до 50 и более процентов от доли спирта). Добавляют в малом количестве и другие компоненты: корицу, гвоздика, цедру цитрусовых и т. д.

Стр. 134

Забыла тебе сказать, что на чердаке в темном углу в ящике остался щеночек фокстерьер.

В оригинале — ratlíček (jeden malej pejsek ratlíček, štěňátko), т. е. пражский крысарчик. См. комментарий кн. 1, гл. 1, стр. 27.

Глава 11. ШВЕЙК С ФЕЛЬДКУРАТОМ ЕДУТ СЛУЖИТЬ ПОЛЕВУЮ ОБЕДНЮ

Стр. 143

Выделялась только одна фигура какого-то голого человека с сиянием вокруг головы и с позеленевшим телом, словно огузок протухшего и разлагающегося гуся.

В оригинале ходовая народная метафора — *nazelenałym tělem jako biskup husy*. То есть, с телом позеленевшим, как гусиный епископ. Как отмечает Ярда Шерак, огузок этой птицы и впрямь похож на остроконечную митру католического епископа.

Стр. 145

Уж как-нибудь приклею это дурацкое «et cum spiritu tuo»/ И со духом твоим (лат.) / к вашему «dominus vobiscum» /Благословение господне на вас (лат.)/.

Речь Швейка особой образностью не отличается. В оригинале он ничего не клеит, а просто говорит: «уже как-нибудь вместе соединю» — *taky svedu dohromady*.

См. также комментарий кн. 1, гл. 10, стр. 123.

Стр. 146

— Собирайте манатки, — сказал Швейку фельдкурат.

Так в оригинале: «*Seberte ty monatky*», *řekl polní kurát Švejkoví*. Несомненный и замечательный русизм, который почему-то приводит в полное недоумение всех чешских комментаторов Швейка и заставляет искать этимологию слова не где-нибудь, а в языке эсперанто, в котором *monato* — это месяц. Дескать, собирайте, Швейк, раньше чем через месяц не понадобятся, как, например, предлагает толковать место Здена Анчик.

Глава 12. РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСПУТ

Стр. 149

цена-то этому хламу была двенадцать крон.

Хлам. В оригинале Швейк, как обычно пересыпающий свою речь немецкими дериватами, использует замечательное слово для определения вещицы *šmejď* (*Geschmeide*) — *poněvadž ten šmejď měl cenu 12 korun.*

Вчера в трактире «У золотого венка» разговорился я с одним человеком из провинции.

В оригинале: *s jedním člověkem z venkova.* Наверное, ближе к духу и смыслу было бы буквальное: «с одним человеком из деревни». И хорошо и снова по-толстовски.

Глава 13. ШВЕЙК ЕДЕТ СОБОРОВАТЬ

Стр. 148

Это было предписание военного министерства

В оригинале: *Byl to rezervát ministerstva vojenství.* Соответственно, *rezervát* — не просто предписание, а документ для служебного пользования: «Это было секретное предписание военного министерства». Очевидно, что комизм положения без этого уточнения слабеет.

Стр. 157

Он знал этот «сброд», как он называл союз, еще по храму св. Игнатия.

Смысл и назначение кавычек не совсем понятны. В оригинале отсутствуют: *Znal tu rakáž, jak ji nazýval, z chrámu od Ignáce.* Перевод верный: *rakáž* — это сброд, шушпера, нечто жалкое и непрезентабельное. В ПГБ 1929 — шобла.

В этой же главе — сволочи. См. кн. 1, гл. 13, стр. 166.

Извините mesdames, меня ждет капитан на партию в «железку».

В оригинале *mé dámy* (*Odpusťte, mé dámy, na mne čeká pan hejtman*). Совершенно очевидно, что здесь чешская калька с немецкого, церемонного — *Meine Damen*, и французский, язык потенциального противника, совершенно неуместен в контексте австро-венгерского, насквозь пронемеченного государства и особенно в устах одного из его платных защитников, военного священника. В общем: «Извините, сударыни, меня ждет капитан».

Железка — *ferbl*, т. е., игра краски. См. комментарий кн. 1, гл. 9, стр. 99.

Стр. 158

А еще священник! Тьфу!

В оригинале: *Kněz, fujtajxl!* Последнее слово великолепный пример ославянивания немецкого ругательства: вот черт! — «*pfui Teufel*». Таким образом, рассерженный господин сказал: «А еще священник! Черт с рогами!»

— *Нужник! Вот кто вы.*

В оригинале: «*Hajzlík jste*», *odpověděl Švejek*. *Hajzlík* — дериват грубого немецкого *Scheisshäusel*, и, то есть совершенно буквально — сортир, очко, верзальня. Однако в приложении к человеку, а не будочке за домом, это уже «говнюк».

Стр. 159

«Оба вы негодяи, каков поп, таков и приход».

В оригинале поговорка такая: *jaký pán, taký krám*. Буквально: «какой хозяин, такова и лавка». Вариант ПГБ формально верный, но из-за того, что хозяин Швейка и в самом

деле поп, возникает отсутствующий в оригинальном тексте двойной смысл. Может быть вернее было бы: «какой хозяин, такова и собака».

Он отворил дверь, поставил строгого господина в дверях лицом к лестнице и... такого удара не постыдился бы наилучший игрок международной футбольной команды мастеров спорта.

В оригинале еще один очень редкий в чешском, но подобный уже встречавшемуся однажды у Гашека (см. комментарий кн. 1, гл. 10. 1, стр. 113), англицизм без транскрипции — shoot (a za takový shoot by se nestyděl ani nejlepší hráč nejlepšího mezinárodního mistrovského fotbalového mužstva). Понятно, что грамматически правильным в этой позиции был бы не глагол, а существительное shot, однако Гашек пишет именно так. И не в первый раз.

Сравни с его ранним рассказом «Офсайд» (Ofsajd — Humoristické listy. 1907)

Ne, Xaver, ten velký, šlechtný hoch, který tak hezky zná míč stopit a který tolikrát brilantně vrazil míč hlavou do branky, ten není takový podlec, aby shootoval na gól, když by stál ofsajd.

Нет, Ксавер, этот великий, благородный юноша, что так прекрасно умеет останавливать (stopit) мяч и столько раз великолепно всаживал мяч головой в ворота, он не такой подлец, чтобы ударить (shootoval) в сторону ворот (na gól), находясь в офсайде.

Ну, а футбол вообще, и в частности международный, и после войны продолжал все так же интересовать Гашека, по крайней мере, как сюжетобразующий элемент. См., например, его рассказ «Товарищеский матч между Тиллингеном и Хохштадтом» (Přátelský zápas mezi «TILLINGEN» a «HÖCHSTÄDT» — Dělnická besídka Rudého práva, 1921)

Любопытно, что встречаются посмертные редакции романа, в которых shoot транскрибирован в совершенно уже бессмысленный šut. Между тем, именно так было и в ПГБ 1929:

... и за такой «шют» не постыдился бы.

Стр. 161

— Осмелюсь доложить, господин фельдкурат, — заметил Швейк, вот ведь гидра!

В оригинале: že je to hotovej nezmar. Смотри о гидре (nezmar) комментарий кн. 1, гл. 9, стр. 96. С этого момента определение переходит в авторскую речь и в продолжении всей сцены Гашек называет гостя только так. Гидра.

Стр. 165

— Такой денщик-холуй выиграет! — отозвался из угла отделенный.

«Денщик-холуй» в оригинале fajfka. См. комментарий кн. 1, гл. 10, стр. 121.

То, что Швейк денщик, солдаты легко определили по специальной нашивке на рукаве его мундира — красному шеврону. См. также об идентификации денщиков комментарий кн. 2, гл. 1, стр. 238.

«Отделенный». На самом деле в оригинале не должность, а звание — desátník («Taková fajfka chce něco vyhrát», ozval se z kouta desátník). Это чешское название немецкого звания капрал (Korporal). Должность, командир отделения по-чешски — velitele družstva. Вообще это одна из характерных особенностей ПГБ — пренебрежение различиями армейского звания (Hodnost) и должности (Funkce).

Занятно другое, в кн. 2 (см. комментарий кн. 2, гл. 2, стр. 316) во время разговора Швейка с начальником конвоя Швейк называет его, по своему обыкновению, используя немецкий дериват, kargál, а автор между тем, тут же, в следующей строке определяет начальника конвоя как десятника. Это явное указание на предыдущие неточности почему-то не смутило ПГБ и не заставило вернуться и сделать очевидные и необходимые исправления.

Стоит появиться пятну — «прощаюсь, ангел мой, с тобою».

Несколько странная и никак оригинальным текстом не оправдываемая отсылка к русскому городскому романсу и известному тексту Салтыкова-Щедрина с тем же названием открывающемуся словами: «Очень уж нынче часто приходится нам с начальниками прощаться. Приедет начальник, не успеет к «благим начинаниям» вплотную приступить — глядь, его уж сменили, нового шлют!»

У Гашека Швейк говорит: *sbohem, Máry* — и это, по всей видимости, не цитата из чешской песни или стиха, а всего лишь расхожее выражение, что-то вроде «прощай, красавица». В любом случае ни Салтыкова в ней, ни Щедрина.

Стр. 166

Только и занимаются бухгалтерией! Сволочи!

В оригинале «сволочи» — все тот же *řakáň* (*Mají samé účetnictví, řakáň*). См. комментарий о переводе этого слова в этой же главе выше. Кн. 1, гл. 13, стр. 157.

Глава 14. ШВЕЙК В ДЕНЩИКАХ У ПОРУЧИКА ЛУКАША

Стр. 168

Понимаете, пошел ва-банк,

В оригинале: *Nopál jsem to všechno*. Смысл передан верно, утрачена, однако, моносилабика терминологии, употребляемой во многих чешских карточных играх и в том числе в двадцать одно. «Нор» — говорит игрок, когда перестает брать карты и наступает черед банкмета. Если игрок перебирает, то произносит «*trop*». См. далее в этой же главе стр. 169. Сравни также: *flek, re, tutti* и т. д. в марьяже. См. комментарий кн. 4, гл. 1 стр. 228.

В немедленно следующем фрагменте *hop* переводится тремя разными способами, сначала «а ну-ка», потом «играю» и, наконец, «покупаю»:

— *А ну-ка...* — сказал он, когда пришла его очередь. — *Всего очко перебрал,* — добавил он. — *Ну, значит, играю,* — сказал он, когда подошел следующий круг. — *Покупаю! Стоп!*

«*Нор*», *ozval se polní kurát, když byla řada na něm.* «*Jenom o oko*», *hlásil, «přetáh jsem».*

«*Tak tedy hop*», *řekl při druhém chodu, «hop — blind».*

Нор — blind — здесь уже смысловая ошибка. Фельдкурат не просто говорит «хоп», а «хоп втемную». Т. е., у него на руках, например, 17, и в случае перебора (а это уже случилось с ним в предшествующей раздаче) придется вновь положить в банк ставку, плюс штраф (обычно еще одна ставка), а это возможно больше тех денег, которые у попа остались и тогда он решает сыграть втемную — все или ничего, — и говорит «хоп», не открывая последнюю карту. В этом случае начинает набор банкOMET. Или переберет, или возьмет меньше. В романе банкOMET набирает 20, фельдкурату приходится открывать темную карту, с ней вместе только 19.

— *Двадцать,* — объявил банкOMET.

— *А у меня девятнадцать,* — произнес фельдкурат тихо.

Стр. 169

— *А что, сорвали банк у вас или же вы на понте продули?* — спокойно спросил Швейк.

В оригинале: «*A bylo v banku hodně?*» *otázal se Švejk klidně, «nebo jste málokdy dělal forhonta?»* Здесь любопытно, что в Чехии при игре в двадцать одно, первого понтера называют так же, как и в чешском марьяже, левого от раздающего игрока — *forhont*. Правого — *zadák*. Роли меняются после каждой раздачи, форхонт становится раздающим, задак — форхонтом, а раздающий — задком. У марьяжного фор-

хонта целый ряд специальных прав при торговле и объявлении козырей, у форхонта в очко лишь одно и весьма сомнительное — первым пойти ва-банк и отсечь всех прочих. Собственно, этим Швейк и интересуется, держал ли Катц банк или, наоборот, оказавшись вдруг форхонтом, пошел ва-банк.

Все проиграли, банк вырос до десятки.

И далее:

Банк рос, собралась там уже сотня. Из игроков ни у кого столько не было, чтобы идти ва-банк.

Оригинал:

Všichni se ztropili a tak to rostlo do desítky.

И далее:

bank rost, a už tam byla stovka. Z hráčů nikdo tolik neměl, aby to mohl hopnout.

Использование hor и trop, исчезнувших из перевода, еще раз отмечать нет смысла, а вот легкую утрату сути надо. Všichni se ztropili — это не просто «все проиграли», а «все перебрали», т. е., везет Вейводе действительно невероятно, поскольку при переборе банк растет в два раза быстрее из-за штрафов, отсюда и скоро набежавшая десятка.